

22 декабря 1983 г. № 152 (5784) ←

Темперамент бойца

К 125-летию со дня рождения Вл. И. Немировича-Данченко

Несколько лет тому назад издательство «Искусство» выпустило двухтомник «Избранных писем» Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Я думаю, что эта книга стала событием не только театроведческим, но и очень острым фактом жизни современного советского театра вообще. Перечитывая хронику мхатовской истории за полвека, вдумываясь в перипетии конфликтов, борьбы, побед и неудач, осмысливая стратегию театра, репертуарную политику, взаимоотношения с обществом, наконец, его сверхзадачу, которая пробивалась сквозь все катастрофы и наслоения, все время думаешь о нашем театре. Думаешь о задачах, которые сегодня мы решаем, об ошибках, которых можно было бы избежать, о вопросах, которые обступают со всех сторон и своими корнями уходят в прошлое. Жизненный и театральный опыт Немировича-Данченко оказывается в этом отношении бесценным.

Мы хорошо знаем дарование Немировича-Данченко в самых разных областях театрального творчества: в искусстве режиссуры, в педагогике, в театральной критике, в драматургии, наконец. Мы меньше знаем и меньше пользуемся огромным наследием одного из основателей МХАТа в той сложной и самой неблагоприятной области, которую можно назвать «организацией театрального дела». Вот где ему не было равных, вот где его вклад в дело отечественного театра до сих пор не до конца осмыслен. Владимир Иванович понимал вопросы строительства театра чрезвычайно широко. Он любил называть театр «учреждением» и знал, что художественное учреждение может существовать и развиваться только на основе каких-то серьезных и устойчивых принципов, которые помогают развиваться самому искусству театра. Гений Немировича-Данченко заключался в том, что он, по существу, унитожил границу между тем, что называется «искусством», и «организацией» театрального процесса: в Художественном театре эти понятия были неотделимы друг от друга. «Когда дух поэзии отлетает от кулис, от администрации, от выходов на сцену — отлетит и от спектакля», — напишет он уже в начале 40-х годов, обеспокоенный атмосферой, возникавшей тогда в театре.

Сотрудник Художественного театра, от администратора до вахтера, должен был быть человеком, усвоившим, ради чего и с какой целью создано это «учреждение». Немирович-Данченко определял не только стратегию сезона или ставил спектакли, он беспрерывно, порой в творческом споре вырабатывал те организационные формы, которые должны были стимулировать творческую жизнь, а не душить ее в зародыше. В 1908 году в театре зашла речь о приглашении нового административного работника. Кажется, велика ли проблема, чтобы ее обсуждать с такой остротой, как это случилось тогда в МХТ? Но они обсуждали, и мне хочется привести документ, предоставленный мне комиссией по изучению наследия К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, который хорошо показывает всю меру того, что Владимир Иванович вкладывал в понятие «организация» театра, и всю меру драматизма его положения, которое он иногда ощущал.

Обращаясь к Константину Сергеевичу, он писал: «Я с ревностью, теперь перегоревшей, но с убеждением в Вашей заслуженности, с полным признанием всех Ваших прав на это — уступил Вам всю художественную славу театра, всю целиком. Все хорошо знают, что в истории театра моего имени не будет, — будет только Ваше имя. Но уступив эту славу, я все же нахожу удовлетворение в том, что в самом направлении Театра, в основе лежат мои убеждения, что дух Театра создан мною не менее, чем Вами. Поглядите же в будущее, — не кажется ли Вам, что Вы заставляете меня и в другой области Театра, административно-этической, слишком щедро поделиться с новым человеком, которого я вдобавок считаю ничтожеством».

Повторяю, речь идет о приеме на работу сотрудника администрации, но как это понятно в контексте серьезнейшего и великого дела, которое Станиславский и Немирович-Данченко совместно вели, как это понятно в творческом плане, а не в обывательском, как иногда пытаются истолковать сложнейшие отношения двух великих театральных деятелей, нуждавшихся друг в друге.

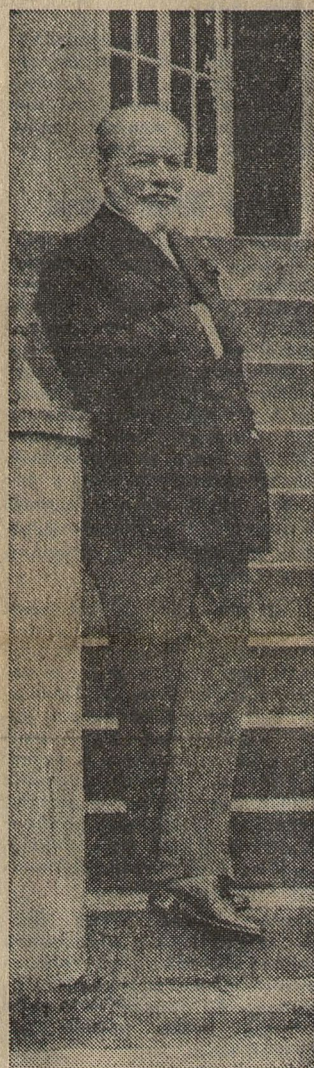
Имя Немировича-Данченко осталось не только в истории Художественного театра, но и в истории мирового театра. Тем важнее сегодня проанализировать вот эту самую «административно-этическую» область его работы, которую он сам считал такой существенной и принципиальной. Остановись после смерти К. С. Станиславского в одиночестве, лишившись этого питательного и глубоко драматического содружества, Немирович-Данченко прозорливо и точно почувствовал опасность, которые начали угрожать созданному ими театру. Обраща-

ясь к коллективу МХАТа в июле 1942 года из Тбилиси, где режиссер находился в эвакуации, он напишет слова, которые и сегодня воспринимаешь с каким-то глубоко личным и острым чувством: «МХАТ подходит вплотную к тому тупику, в какой естественным историческим путем попадает всякое художественное учреждение, когда его искусство окрепло и завоевало всеобщее признание, но когда оно уже не только не перемалывает свои недостатки, но еще укрепляет их, а кое-где даже обращает в «священные традиции». И замыкается в себе и живет инерцией».

Мне, волнуемому в театральной атмосфере более 60 лет, так хорошо знакома и так хорошо мною изучена эта картина оскудения театра. Хорошо еще, если откуда-то прилетит «Чайка» и даст здоровую затрещину.

Всем моим опытом, всей оставшейся во мне энергией я хочу отвести от МХАТа этот удар».

Не случайно он вспоминает «Чайку». Это ведь чутью Не-

мировича-Данченко, его литературному и театральному предвидению русская сцена и Художественный театр обязаны рождением Чехова-драматурга. Это он увидел в провалившейся на императорской сцене пьесе огромные возможности для обновления духа театра, для крутого поворота всего театрального дела в России. И так было на протяжении десятилетий. Немирович-Данченко открывает для Художественного театра прозу Достоевского и Л. Толстого, уверенно и твердо ведет свой корабль среди бесконечных претензий разных литературных групп и партий, претендующих влиять и направлять Художественный театр в нужном для них русле. «На протяжении всего этого времени, — напишет он в 1915 году, — Художественный театр также находился под непрерывной, никогда не смолкавшей бомбардировкой за изуверение здорового русского искусства теми сценическими формами, какие он насаждал. Когда в Художественном театре шли представления «На дне», то я получал грозные письма, требовавшие от меня смягчения некоторых картин, терзающих нервы зрителей (...). И у меня сейчас в памяти несколько крупных общественных деятелей, которые убеждали меня выбросить из репертуара вообще всю норвежскую литературу, как сеющую пессимизм в молодежи».

Это написано до революции, но и после революции Немировичу-Данченко приходилось порой с боями доказывать разного рода «левым» экстремистам необходимость Художественному театру иметь собственную репертурную линию, совершенно не сводящуюся к интересам той или иной литературной группы. Он видел свой театр национальным театром в самом глубоком и серьезном значении этого понятия, он вместе со Станиславским, конечно, сделал все для того, чтобы на сцене МХАТа в советское время шли не пьесы-однодневки, но та драматическая литература, в которой выражаются реальная жизнь народа, реальные проблемы нового общества, реальная судьба человека.

Он презирал «красивый» театр, самодовольных артистов, которым внутритеатральные

страсти важнее того дела, ради которого создавался театр. Он боялся развращающего цинизма внутри коллектива, так же как никогда не шел навстречу опасной тяге некоторой части публики к искусству, очищенному от признаков реальной, настоящей жизни. Сколько требовалось усилий, чтобы сохранять «учреждение свежим и свободным», чтобы дух искусства не был подменен духом «полухистерического театрального организма», в котором всегда находятся любители и мастера внутренних «переворотов». Короткие записи Немировича-Данченко, пресекающие такие попытки, его обращения к труппе, его ежедневный и беспрерывный труд по созданию этической атмосферы дела еще очень мало нами оценены и осмыслены.

Я уже говорил, что области дарования Немировича-Данченко были весьма разнообразны. Он остался в истории театра и как один из самых мощных режиссеров-новаторов, предложивший ряд идей и решений, которые и сегодня оказываются содержательным источником. Область актерской психологии, вообще тонкость работы его с актером иногда просто поражают. Они поражали и К. С. Станиславского. Не раз Константин Сергеевич записывал концерт замечаний Немировича-Данченко после той или иной репетиции или спектакля. Не раз, вчитываясь в эти замечания, подивившись их снайперской точности. Вот один из «подсказов» Немировича-Данченко исполнителю Молчалина в грибоедовском спектакле МХТ в записи Станиславского: «Идейный карьерист... Слабострастие, сила, нахал. Жесток и непобедим. Непобедим тем, что у него нет ни самолюбия, ни темперамента, который бы в известную минуту мог вывести его из равновесия. Так, например, в последнем акте, когда его гонят, другой бы не выдержал и от этого погиб, но он выдержал и не погибнет. (...) Убежденность карьеризма. (...) Не утонченный Тартюф. Он примитивен и знает только одну человеческую слабость: любит подобострастие. На эту слабость он и бьет».

Сила Молчалина в том, что он без костей (нравственно).

Часто нужен тем, кто ему нужен.

Молчалин карьерист сегодняшнего дня».

Такого рода острота режиссерского зрения была развита у Немировича-Данченко необычайно. Его оценки актерской работы, его понимание особой психологии актера-творца, его способность вести за собой группу людей, имеющих, как и всегда в театре, разные устремления к одной, общественно важной цели, его понимание театрального организма как неизбежной цепи компромиссов и вместе с тем властная талантливая сила, способная переплавлять «театральный сор» на пользу общего дела, — весь этот опыт и сегодня кажется глубоко современным и нужным.

У Владимира Ивановича был темперамент театрального бойца. Его всегда занимали общие вопросы жизни людей, страны, мира. Наша революция открыла ему возможность применения и этого своего дара. По собственному признанию, в революции с особой ясностью открылась «идеологическая заправка» его режиссерского таланта. Он обладал способностью увидеть новое время в основном, стержневом движении и двинуть свой театр именно в этом самом главном направлении. В середине 20-х годов, когда решалась судьба советского МХАТа, когда студии должны были соединиться с «метрополией», он мечтал о том, чтобы «не ограждать фирму МХТ» от новых веяний, а «дать ей самое широкое толкование, не ограничить ее стариками, а, наоборот, раздав ее всему молодому, что есть талантливое, выросшего под этим колаком, использовать все, что создано под этой фирмой хорошего, и тем укрепить ее еще на двадцать лет». Он вспоминал при этом старую мудрость: «Если зерно не умрет, то останется одно, а если умрет, то даст много пло-да...».

«Зерна», брошенные Немировичем-Данченко в театральный почву, «умерли» и дали свои плоды. Но не будем только радоваться и наслаждаться плодами. Будем помнить, что основной тон жизни и борьбы Немировича-Данченко — тон беспокойства и поиска, тон беспрерывного строительства театрального организма. Остановился, успокоился, примирился — погиб. В этом тоже один из уроков Владимира Ивановича Немировича-Данченко, которому сегодня исполнилось бы 125 лет.

О. ЕФРЕМОВ,
народный артист СССР.